

Стоит ли искать темный логос в темной комнате (особенно если его там нет)?

АЛЕКСЕЙ АППОЛОНОВ

Доцент, кафедра философии религии и религиоведения, философский факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: alexeyapp@yandex.ru.

Ключевые слова: Александр Дугин; русская философия; археомодерн; философия Модерна; Готфрид Вильгельм Лейбниц; философия неоплатонизма.

Статья посвящена критическому анализу идей российского философа, социолога и политолога Александра Дугина. Согласно Дугину, не существует никаких универсальных (рациональных) принципов, на которые могла бы опираться философия, но, напротив, любая культура обладает своей собственной рациональностью и своим партикулярным «Логосом». Поэтому задача российских философов состоит в том, чтобы создать особую «русскую философию хаоса», характеризующую также как «темный Логос», альтернативный претендующему на универсализм «западному Логосу», некритическое принятие которого в российском обществе создает специфическую ситуацию «археомодерна» (подразумевающую неполную и поверхностную модернизацию русского социума при сохраняющейся глубиной и сущностной его архаичности).

Автор статьи указывает на то, что проект Дугина по (вос)созданию «русской философии хаоса» имеет следующие критические недостатки. Во-первых, представления Дугина о сущности западноевропейского

Модерна (и, соответственно, о конституитивных элементах российского «археомодерна») почерпнуты им преимущественно из сочинений западных критиков Модерна, таких как Рене Генон и Мартин Хайдеггер, а потому, с одной стороны, включены в «западный Логос» как его неотъемлемая часть, а с другой — в силу своей исходной полемической направленности — дают искаженную картину сущности Модерна. Кроме того, автор указывает, что идеи Дугина о радикальной архаичности русского народа, который, по его мнению, не достиг даже уровня европейского Средневековья, основаны преимущественно на умозрительных представлениях западных авторов о «недоразвитых незападных народах». Таким образом, вместо обещанного тщательного исследования степени и глубины модернизации российского общества, а также элементов этой модернизации Дугин предлагает серию карикатурных образов, позаимствованных у западных философов, и дает рекомендации, которые в силу своей поверхностности едва ли будут интересны российскому государству и обществу.

ТВОРЧЕСТВО Александра Гельевича Дугина, позиционирующего себя как «философа, политолога и социолога»¹, имеет ряд особенностей, одна из которых весьма любопытна. Эта особенность, о которой я уже писал несколько лет назад², состоит в том, что Александр Гельевич, будучи весьма эрудированным и более чем плодовитым писателем (только в 2017 году он опубликовал четыре монографии), обещает своему читателю очень многое и многое ему говорит, но в итоге всегда получается так, что никаких положительных выводов из сказанного сделать невозможно. Действительно, если уж автор, пишущий о перспективах русской философии, заявляет, что «политика есть следствие философии — обратное же неверно»³, то читатель вправе ожидать от него изложения этой самой философии, которая должна определить собой политику и, соответственно, будущее России (а вероятно, и всего мира). Однако Александр Гельевич, как правило, не дает никаких конкретных, практических (то есть философских, в данном контексте) рекомендаций, оставляя за читателем право самому додумывать, что именно должна представлять собой, например, «русская философия хаоса». «Мы... не знаем, куда идти, потому что впереди *rien ne luit*, „ничего не светит“»⁴ — это признание из «Постфилософии» может послужить эпиграфом практически к любому произведению Дугина. Тем не менее нельзя не отметить, что в своих посвященных Хайдеггеру монографиях 2010 и 2011 годов⁵ Александр Гельевич все-таки наметил некие, так сказать, практические меры, которые должны были в перспективе привести к созданию (или воссозданию) русской философии, русского Логоса и русского Начала. Согласно Дугину, рус-

1. См. URL: <http://dugin.ru>.

2. Аполонов А. В. Неожиданные приключения Хайдеггера в России // Логос. 2015. Т. 25. № 2. С. 224–232.

3. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. С. 7.

4. Он же. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. С. 32.

5. Он же. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2010; Он же. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии.

ский народ и русское общество должны «усвоить Хайдеггера»⁶, после чего возникнет «гигантский, застилающий горизонт земляной шар», он же «русское Начало»⁷, и все проблемы современной России решатся сами собой. Однако, судя по всему, что-то пошло не так — по каким-то причинам российское общество не усвоило Хайдеггера, и шар до сих пор не появился.

Нельзя сказать, что Александр Гельевич не предвидел возможности такого фиаско, поскольку писал, что идеи, подобные его плану по массовому «усвоению Хайдеггера»,

... подвергаются нарочитой маргинализации, остракизму, замалчиванию со стороны либеральных элит при пассивном невнимании озабоченных далеко не интеллектуальными проблемами тихо бредящих масс⁸.

Эти трагические обстоятельства, однако, не смущают Александра Гельевича, а, напротив, закаляют его и дают возможность применить на себя образ (единственного?) героя нашего времени:

Сегодня философом в России может быть только герой. Тот, кто философствует, не обращая внимания на свист, храп и самовлюбленную демагогию невежд. Абсолютная тьма героя только вдохновляет⁹.

Вероятно, именно пребывание в «абсолютной тьме» подталкивает Александра Гельевича к поискам *темного* Логоса: им посвящена книга, которая так и называется: «В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки)». В этой книге «гигантский зем-

6. «Усвоение Хайдеггера является главной стратегической задачей русского народа и русского общества в ближайшей перспективе. Постигание Хайдеггера — ключ к русскому завтра. Если мы с этим не справимся, мы обречены. Если справимся, у нас появляется шанс. Таким образом, развертывание хайдеггерианских штудий в современной России является приоритетной задачей для всего русского гуманитарного образования. В этом смысле вполне уместной является максима: „Хайдеггер — всё, остальное — ничто“. Пусть она утрирована, зато не оставляет иллюзий, что можно как-то еще. Больше никак нельзя» (Он же. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. С. 455).
7. «Это русское Начало будет глубинным и всеобъемлющим, как гигантский, застилающий горизонт земляной шар... Этот момент уже записан в анналах хаоса и в принципе состоялся, но приблизить его или отложить — это зависит от нас» (Там же. С. 459).
8. Он же. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический проект, 2013. С. 57.
9. Там же. С. 58.

ляной шар» уже не фигурирует (хотя есть парменидовский «шар бытия» и «убийцы» этого «сакрального шара»), а «усвоение Хайдеггера» заменяется на «поиск реальности нового Логоса», который должен стать первым этапом «возрождения русской философии»¹⁰. Стратегия этих поисков разработана куда более детально, чем предшествующий ей план по призыванию «земляного шара», поэтому есть смысл поговорить об этой стратегии подробнее.

Книга начинается с традиционного дугинского нарратива об «археомодерне», представляющего Россию как общество, в котором Модерн (и, соответственно, «западный Логос») утвердился только в элите (и поэтому только элита может (и хочет) осуществлять модернизационные проекты), тогда как массы остаются предельно консервативными носителями архаики (того самого «темного Логоса», или «русской ночи»); в результате подобной ситуации «археомодерна» элиты не знают и не понимают народ, а потому все их модернизационные проекты приводят к катастрофам большей или меньшей степени разрушительности.

Александр Гельевич настаивает на том, что эта его концепция крайне значима в методологическом отношении и прошла, так сказать, апробацию в разных исследовательских областях¹¹. Я же, со своей стороны, не пытаюсь оспорить саму идею о «поверхностной модернизации» российского общественного сознания, отмечу, тем не менее, что еще Пушкин писал (причем на французском языке), что «правительство все еще единственный европеец в России» (*le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie*¹²), а уж слова Ленина «слишком узок круг этих революционеров, слишком далеки они от народа» известны, вероятно, каждому, кто учился в советской школе. Таким образом, не вполне ясно, в чем заключается оригинальность концепции «археомодерна», и уж тем более неясна ее методологическая и эвристическая ценность. Действительно, российские реформаторы (а также японские, китайские, турецкие, иранские, арабские, афганские и все прочие их коллеги), осуществлявшие модернизационные проекты по «западному образцу», не слишком интересовались тем, что думают по поводу этих проектов «массы»; конечно же, многие из них потерпели неудачу именно из-за того, что консервативно настроенные «массы» отказывались модернизироваться. Точно так же, с другой стороны,

10. Там же. С. 2.

11. Там же. С. 27.

12. Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву, 19.10.1836 // Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. С. 362.

любую реформу (даже удачную в смысле реализации реформаторами своих планов) можно описать как катастрофу, поскольку в ходе любого масштабного социального потрясения всегда появляются проигравшие, и иногда их даже больше, чем тех, кто оказался в выигрыше (что, в свою очередь, может привести к контрреформе, которую также можно — при желании — описать как катастрофу). Что же из этого следует? Ответ, что модернизация «по западному образцу» России (и, вероятно, всем незападным странам) совсем не нужна, слишком уж прост, и Александр Гельевич его, естественно, избегает. По его мнению,

...следует шире и интенсивнее изучать европейские языки и европейскую культуру, позволяющие корректно интерпретировать матрицу симуляционного скалькированного Модерна, уже привитого в наш язык и в нашу картину мира. Из самой русской истории такая модернизация никак не вытекает, и для ее постижения нам необходимо внимательнее изучать Запад. Лишь после этого мы сможем задаться вопросом: что нам сохранять, а что нам менять? В чем укреплять идентичность, а в чем идти по пути, по которому до нас прошли другие, и надо ли нам это делать вообще?¹³

Однако, не в обиду Александру Гельевичу, это плоская банальность. Может, ее стоит лишний раз проговорить (повторение банальностей иногда крайне полезно), но видеть в ней мощный эвристический потенциал — это уж слишком. Действительно, чтобы понять, «что нам сохранять, а что нам менять» и «в чем укреплять идентичность, а в чем идти по пути, по которому до нас прошли другие», недостаточно зафиксировать ситуацию «археомодерна»; необходимо найти точку отсчета и детально разработать стратегию «повторения (или неповторения), пройденного другими». Например, Александр Гельевич полагает, что русский народ столь архаичен, что даже «Средневековье окажется не позади нас, а впереди», и потому «важнейшим инструментом модернизации российского образования» может стать «изучение древнегреческого, церковнославянского языков и „Закона Божьего“»¹⁴. Однако почему за точку отсчета берется некая никому не ведомая досредневековая ментальность, которая затем приписывается русским, живущим в XXI веке? Мы даже о русском Средневековье мало что знаем, а Александр Гельевич претендует на то, что он

13. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса. С. 28.

14. Там же.

в достаточной степени постиг досредневековый и дохристианский образ мысли русского народа, соотнес его со средневековой ментальностью (и тут можно спросить: чьей? Западной? Византийской? Русское-то Средневековье, согласно Дугину, еще не наступило), а потом с ментальностью наших современников и вынес однозначный вердикт: русский народ еще даже до Средневековья не добрался. Seriously? Если русский народ еще не добрался до Средневековья, то мы знаем только *нерусское* Средневековье. Но в нерусском Средневековье (хоть латинском, хоть греческом) не существовало *никакой* системы народного просвещения (образования), и единственным инструментом распространения и утверждения христианского учения была церковная проповедь (а Закон Божий как школьный предмет — это из эпохи Модерна, равно как и сами народные школы). Так откуда же берется уверенность в том, что можно достичь некоего «Средневековья» за счет «изучения древнегреческого, церковнославянского языков и „Закона Божьего“»?

Пойдем дальше. Разве в Российской империи Закон Божий не преподавался в «простонародных» церковно-приходских школах? Что же получается, преподавали так плохо, что не достигли уровня европейского или византийского Средневековья? Хорошо, допустим, — но для подобного утверждения должны быть какие-то основания. Например, надо провести сравнительный анализ того, насколько лучше средневековые западноевропейские (византийские) крестьяне знали Закон Божий по сравнению с русскими крестьянами начала XX века (и потому первые — «средневековые христианские», а вторые — «досредневековые дохристианские»). Но пока такого анализа нет, утверждение Александра Гельевича о какой-то исключительной архаичности русского народа можно считать голословным. Однако дело даже не в этом. Дугин предостерегает нас от слепого копирования пути, пройденного Западной Европой, но тут же призывает к воспроизведению на русской почве западного Средневековья (поскольку, повторю, с его точки зрения, русского Средневековья пока что нет). И даже более того — к воспроизведению греческой античности (сугубо западной, пусть она даже и «греческая»):

Мы должны отступить фундаментально назад, к первому Началу греческой культуры, чтобы сделать хотя бы малейший шаг вперед¹⁵.

15. Там же. С. 359.

И я уже не говорю о том, что *иногда* Александр Гельевич утверждает, что русская философия должна родиться из *немецкого* почвенничества Хайдеггера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что предложение об обучении россиян Закону Божьему Александр Гельевич прямо называет *модернизацией*, — речь действительно идет о модернизации, причем по западному образцу: массы «озабочены далеко не интеллектуальными проблемами» и «тихо бредят» — ну вот мы им и дадим *Religionsunterricht*, но с национальной спецификой в виде церковнославянского языка. Разве это не «археомодерн»? Да, он самый и есть — и Александр Гельевич в этом отношении является чистым «археомодернистом».

К теме зависимости Дугина от «западного Логоса» я еще вернусь позже, пока же отмечу, что «узловые моменты философской программы по рождению русского Логоса», согласно Александру Гельевичу, таковы:

- 1) понять Запад и его Логос;
- 2) понять структуру и природу предлогической, пралогической стихии русского мышления;
- 3) отважиться на утверждение самобытного и в корне отличного от западного способа русского философствования¹⁶.

И поскольку речь заходит о «понимании Запада», постольку возникает тема «перевода» (однако *правильного* перевода, исключаящего ситуацию, когда «структура западноевропейского языка (научного и культурного) может быть взята как общая референтная матрица для всех типов переводов»¹⁷):

...перевод начинается там, где наличествует такое отношение к двум языкам (культурам, обществам), которое проистекает из глубокой включенности в оба из них и искусно сопоставляет метафорические, контекстуальные и морфологические структуры, довольствуясь уровнем креативных аналогий и не претендуя ни на какую строгость... Первый шаг к переводу — отказ от ложной убежденности в существовании универсального разума. Разум всегда локален и представляет собой конкретную рациональность. Рациональность плюральна и воплощена в культуре, обществе, языке... Поэтому перевод должен строиться на тщательной «густой дескрипции» (Клиффорд Гирц) конкрет-

16. Там же. С. 33.

17. Там же. С. 6.

ной рациональности, локализованной в истории и в культурном пространстве¹⁸.

Итак, «перевод» — это больше чем перевод. Это еще и перевод с одной рациональности на другую посредством «густой дескрипции» (хотя, как видно из приведенной выше цитаты, Дугин отказывает «стихии русского мышления» в логике и, соответственно, в рациональности — но это мелочи). Несколько позже мы обнаруживаем у Александра Гельевича мастер-класс такого перевода (и понимания чужой рациональности):

Новая пара — это нечто и ничто, атом и пустота. Именно такую привативную модель институционализирует Лейбниц на заре Нового времени в знаменитом вопросе: *Warum ist überhaupt Seiendes und nicht vielmehr Nichts?* («Почему есть нечто, а не ничто?»)... Вместе с этим вопросом Лейбниц приводит к бытию философскую картину Модерна. *Seiendes* — это концепт, атом, субстанция, впервые вырванная не только из эквиполентной пары, но и из градуальной иерархической шкалы, и противопоставлена она очень точно именно *Nichts*, как по-настоящему симметричной в новой топике паре. Каждый индивидуум, каждая субстанция в такой картине мира строго уникальны, отрезаны и от дедуктивной пары, и от градиентной иерархической шкалы¹⁹.

Насколько я могу судить, приведенная по-немецки фраза должна демонстрировать умение Александра Гельевича осуществлять «густую дескрипцию» немецкого Логоса и рациональности, с полным погружением во все оттенки *Seiendes* и *Nichts*. Однако нельзя не заметить, что в оригинале «знаменитый вопрос» Лейбница выглядит так: *Pourquoi y a-t-il quelque chose plutôt que rien?* Александр Гельевич, вероятно, думает, что если Лейбниц был немцем, то и писал по-немецки. Но, увы, это не так: Лейбниц писал в основном на французском и латыни. А цитируемый Дугиным немецкий перевод, несомненно, был обнаружен Александром Гельевичем у Хайдеггера, который, кроме того, поведал ему, что эта фраза — «знаменитый вопрос». Однако как для самого Лейбница, так и для его современников это был не «знаменитый вопрос», а рядовой элемент доказательства существования Бога, которое имеет следующий вид:

18. Там же. С. 7–8.

19. Там же. С. 23.

Ничто не существует без достаточного основания; если существует что-то (*quelque chose*, а вовсе не *Seiendes*), а не ничто, то оно должно иметь достаточное основание своего существования; такое достаточное основание существования универсума не может находиться в ряде вещей, которые могут как быть, так и не быть; следовательно, этим основанием должна быть необходимая субстанция, то есть Бог.

На всякий случай добавлю, что это доказательство восходит к «третьему пути» Фомы Аквинского (где место *quelque chose* и *rien* занимают, соответственно, *aliquid* и *nihil*), связанному, в свою очередь, с идеями Авиценны, который, вероятно, опирался на позднеантичных платоников. Из этого ясно, что Лейбница на самом деле интересовала не пара *Seiendes* — *Nichts*, а пара «контингентное сущее — необходимое сущее (Бог)»; и уже из одного этого факта следует утверждение им — вопреки тому, что пишет Дугин, — той самой «градуальной иерархической шкалы» (творение — Творец).

Однако это еще не все. Лейбницу очень сильно не повезло с «переводчиком» Дугиним: мало того, что по его милости лейбницевское *quelque chose* превратилось в *Seiendes*, так оно еще и было объявлено «атомом». И вообще, согласно Александру Гельевичу,

... Модерн Лейбница выражался... в принятии атомизма, от Демокрита до Галилея, в механицистском понимании структуры природы и т. д.²⁰

При этом сам Лейбниц писал следующее:

Было время, когда я полагал, что все явления движений можно объяснить из чисто геометрических начал, не принимая никаких метафизических положений... но после более глубокого размышления я убедился, что это невозможно, и научился истине более важной, чем вся механика, а именно что все в природе, правда, можно объяснить механически, но сами механические исходные начала зависят от метафизических и некоторым образом моральных начал, а именно от созерцания производящей и конечной причины, то есть совершеннейшим образом творящего Бога, и никоим образом не могут быть выведены из слепого сложения движений. Поэтому невозможно, чтобы в мире не было ничего, кроме материи и ее изменений, как это принимали последователи Эпикура²¹.

20. *Он же*. Ноомахия. Войны ума. Германский Логос. Человек апофатический М.: Академический проект, 2015. С. 182.

21. *Лейбниц Г. В.* Было время... // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 214.

Таким образом, с сожалением вынужден констатировать: несмотря на использование столь мощных средств, как «археомодерн» и «густая дескрипция», Александр Гельевич в своем повествовании о творчестве Лейбница искажил практически все, что можно было исказить. «Знаменитый вопрос» был задан на французском, а не на немецком языке и относился совсем не к тому, к чему его отнес Дугин; «градуальную иерархическую шкалу» Лейбниц не только не отрицал, но деятельно утверждал; наконец, немецкий философ не был приверженцем атомизма и механицизма, а, напротив, критиковал эти доктрины. Проще говоря, Александр Гельевич придумал некоего собственного «Лейбница», не имеющего практически никакого отношения к реальному, для того чтобы уместить творчество немецкого философа в прокрустово ложе своих представлений о «европейском Модерне», почерпнутых из сочинений Рене Генона и Мартина Хайдеггера.

Несколько отклоняясь от основной темы, я хотел бы отметить, что карикатурные представления о Модерне, характерные не только для Дугина, но и для многих других отечественных авторов, имеют чисто *западные* истоки. Помимо упомянутых выше Генона и Хайдеггера, это еще и масса современных авторов-постмодернистов, занимающихся «деконструкцией» Модерна. В ходе этой «деконструкции» постмодернисты создают «соломенные чучела» (типа «Лейбница» из книги Дугина), а затем с наслаждением их избивают. Например, общим местом этого дискурса является то, что уже с XVII века в Европе происходит секуляризация и «утрата сакральности». Иногда утверждается даже, что философы раннего Нового времени (Гоббс, Спиноза, Гроций и др.) создали «религию» как особую сферу, отделенную от сфер политики, образования, искусства и т. д., и так вот, дескать, «сакральное» было изгнано из жизни западного человека²². Этих мыслителей не смущает тот очевидный факт, что вплоть до начала XX века практически во всех западных странах имелись государственные религии, и Церковь присутствовала в общественной жизни, возможно, даже более явно и масштабно, чем в Средние века (просто потому, что в Средние века не хватало ресурсов для тотального идеологического контроля над населением). Один показательный пример: «сухой закон» в США (1920) был введен по требованию протестантских общин, «трезвых крестоносцев» (*dry crusaders movement*), — а постмодернисты рассказывают нам, что с XVII века

22. См. об этом: *Апполонов А. В.* Наука о религии и ее постмодернистские критики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

религия была исключительно частным делом, отделенным от общественной жизни. Или, например, предполагается, что Модерн породил «человека-атома» (см. мнение Дугина выше). Но в действительности, как пишет сам же Александр Гельевич, с Модерном принято «однозначно соотносить» «массовые движения XX века» и «подъем народных слоев к вершинам политической власти»²³. Как можно приписывать одному и тому же явлению созданию «человека-атома» и «массовых движений» — Бог весть.

Возвращаясь к основной теме: то же самое, что было сказано выше о Лейбнице, относится и к «темному Логосу», поискам которого посвящена книга Дугина. Если бы Александр Гельевич искал его здесь и сейчас, проводя «креативные аналогии» с творчеством своих коллег-единомышленников, то едва ли кто-нибудь упрекнул бы его даже за самые причудливые фантазии. Однако Дугин ищет — и находит — «темный Логос» в прошлом, там, где его никогда не было и быть не могло, например у неоплатоников:

... подчас парадоксальный и диалектический, «темный Логос» неоплатоников. «Темным» он является потому, что постулирует пред-бытийный характер Первоначала (единого), открывая вертикаль Логоса сверху, и потому, что постоянно и многократно переворачивает строгие законы аристотелевского разума с его основными принципами — тождеством, отрицанием, исключенным третьим²⁴.

Здесь я хотел бы отметить два момента. Во-первых, неоплатоники не «переворачивали строгие законы аристотелевского разума»; аристотелевская логика отнюдь не была им чужда. Например, ученик Плотина Порфирий в дидактических целях написал «Введение в „Категории“ Аристотеля», которое стало одним из основных учебников по аристотелевской логике. Любопытный может прочитать «Введение» и убедиться, что там отнюдь не опровергаются принципы «тождества, отрицания, исключенного третьего». Во-вторых, необходимо отметить, что само выражение «темный Логос» неоплатоники никогда не употребляли. Для античности (как, впрочем, и для Средневековья и Нового времени) «тьма» — это «тьма невежества», отсутствие знания; логос же — как разум, как понятие и т. д. — связан с познанием (и с логикой, что очевидно из самого этого слова). Соответственно, «темный Логос» для неоплатоника — оксюморон. Конечно, гре-

23. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса. С. 27.

24. Там же. С. 243.

ки, и неоплатоники в том числе, не чуждались парадоксов (даже само это слово греческое), однако утверждение Александра Гельевича о том, что *вся* неоплатоническая философия была сплошным парадоксом, отрицающим законы логики, — не более чем фантазия, нужная Дугину, опять-таки, для того, чтобы найти оправдания своим представлениям о «европейском Модерне» и о противоположном ему «европейском пре-модерне».

Итак, с первым пунктом по (вос)созданию русской философии («понять Запад и его Логос») все более или менее ясно: «так не победим». Ссылки на «густую дескрипцию» явно недостаточно для понимания «западного Логоса» — надо читать источники, желательно в оригинале, чтобы не путать пересказ Лейбница у Хайдеггера с творчеством самого Лейбница. Что же касается второго пункта («понять структуру и природу предлогической, пралогической стихии русского мышления»), то даже сама его формулировка свидетельствует об априорной уверенности Александра Гельевича в том, что если уж российское общество не модернизировалось «по западному образцу» до конца (до состояния общества современной Швеции, например), то оно является «предлогическим», «пралогическим» и вообще «досредневековым». Однако все это крайне сомнительно. Поэтому даже сам Дугин не приводит никакой серьезной аргументации в пользу этой странноватой идеи и уж тем более не раскрывает в деталях «структуру и природу предлогической, пралогической стихии русского мышления». Он ограничивается рекомендацией читать труды известного лингвиста Владимира Колесова:

Без внимательного изучения работ Колесова ничего по-настоящему осмысленного нельзя сказать ни о нас, ни о других²⁵.

Соответственно, «усвоение» Колесова в определенном смысле замещает «усвоение» Хайдеггера как *conditio sine qua non* в деле (вос)создания русской философии. Предполагается, что работы Колесова, посвященные изучению «становления древнерусской ментальности»²⁶, помогут понять «русскую архаику», и благодаря этому русский народ наконец избавится от «археомодерна» и обретет самого себя. Однако Колесов писал, что

25. Там же. С. 8.

26. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. СПб.: СПбГУ, 2011. Кн. 4: Мудрость слова. С. 3.

... в наши времена мы живем совершенно по другим законам языка и речи, чем наши предки; мы иначе думаем (когда думаем), иначе говорим (когда нам позволено), иначе делаем (а что тут скажешь?)²⁷.

Что же получается? По сути дела, Дугин предлагает обратиться к русской архаике, которая (по мнению Колесова, являющегося для Александра Гельевича непререкаемым авторитетом) совершенно чужда и непонятна современному русскому человеку, а затем навязать ему эту самую архаику со всеми ее (гипотетическими) «темными Логосами», «мистическими ноكتюрнами», «русской ночью» и т. д. и т. п. Идея, на мой взгляд, заведомо нереализуемая.

Это подтверждают и ламентации Александра Гельевича, относящиеся к третьему пункту («отважиться на утверждение самобытного и в корне отличного от западного способа русского философствования»):

Сегодня как никогда свободны горизонты для возвращения русских к философии, для осмысления того, где мы находимся в отношении Русского Логоса. Перед нами открыты источники церковнославянского языка и все обширное духовное наследие Древней Руси... Мы можем познакомиться с наследием славянофилов... Мы можем прочесть всего Владимира Соловьева и труды всех его последователей-софиологов... И наконец, нам открыта возможность восполнить пробел в знании западной философии XX века, особенно тех авторов и течений, которые критически относились к Модерну... Одним словом, мы имеем все перспективы зайти на четвертый виток русской философии, восстанавливая связь с предыдущими тремя уроками. Но по какой-то причине мы этого не делаем...²⁸

Я не являюсь специалистом в области русской философии и уже поэтому не могу сказать ничего о том, как ее надо (вос)создавать (и надо ли вообще). Однако для меня очевидно, что если ее воссоздавать, опираясь на карикатурные представления о западном Модерне (почерпнутые в сочинениях Генона и Хайдеггера), а также на не менее карикатурные представления о «русском хаосе» и «русской дикости» (почерпнутые если не у Киплинга, то у какого-то другого западного певца «бремени белых», несущих культуру «полудетям, а может быть, чертям»), то в итоге не выйдет ничего. Да, вероятно, из подобных карикатур можно слепить

27. Там же. С. 5.

28. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса. С. 57–58.

какую-нибудь квазиидеологию (чем, по сути дела, и занимается Александр Гельевич), но вот полноценную философию — едва ли. Дело здесь вот в чем. Философия (в традиционном ее смысле) всегда претендовала на некий универсализм, а также на некую рациональность (или, если угодно, на некую универсальную рациональность). Философия Платона и Аристотеля, будучи греческой по своему происхождению, именно в силу своего универсализма и апелляции к общему для всех людей разуму (а не к какому-то особому «греческому Логосу») столетиями распространялась среди негреческих народов и утратила свои позиции только тогда, когда ее место как универсалистского рационального предприятия заняла нововременная эмпирическая наука. Точно так же Гегель, например, был немецким мыслителем *par excellence*, но гегельянство — это вовсе не какое-то исключительно немецкое явление, примером чего может быть сам Александр Гельевич, который — осознанно или неосознанно — воспроизводит в своем творчестве все основополагающие идеи гегелевского исторического идеализма (серия монографий «Ноомахия: войны ума» — наилучшее тому подтверждение). Однако поскольку Дугин повсеместно пишет о невозможности существования универсального разума, а также о том, что «философия русского хаоса» должна быть какой-то иррациональной (в пик западному рационализму, претендующему на универсальность), постольку имеются серьезные сомнения в том, что конечный гипотетический продукт (который, ко всему прочему, по вышеописанным причинам никак не рождается) можно назвать философией в традиционном смысле этого слова.

Впрочем, помимо всех упомянутых выше проблем, на пути призыва «гигантского земляного шара» есть еще одно препятствие, о котором Александру Гельевичу очень хорошо известно, пусть даже он и редко о нем говорит. Речь идет о науке. Будучи предприятием западным (по месту происхождения) и универсальным (по масштабам приложения), наука, естественно, представляет собой часть «археомодерна». Как таковая она, соответственно, является проектом, конкурирующим с дугинской «русской философией хаоса». Поэтому Александр Гельевич иногда пытается разоблачить науку (что характерно, вооружившись идеями *западного* постмодернизма): «...Бруно Латур, осуществив деконструкцию многих естественно-научных аксиом современной картины мира, оказавшихся на поверку удачным PR-проектом, натяжками, рекламой и пролиферацией гибридов под видом строгого запрета на их производство (то есть Модерн был вскрыт как бесстыд-

ное интеллектуальное бутлегерство)»²⁹. К несчастью для Александра Гельевича (и для Латура), наука *работает*, чего нельзя сказать о несуществующей «русской философии хаоса». Поэтому возникает серьезное сомнение в том, что русские люди предпочтут, чтобы их дети вместо физики, математики и биологии изучали в школах рекомендованные Дугиным «древнегреческий, церковнославянский язык и „Закон Божий“». Точно так же едва ли можно вообразить ситуацию, в которой российские власти внезапно откажутся от науки (особенно прикладной) в пользу поисков «темного Логоса». Потому я не представляю себе, как Александр Гельевич рассчитывает преодолеть это «археомодерное» уважение российского общества к науке и разжечь в нем интерес к своему философскому проекту. Тем не менее всякое бывает. Как говорится, поживем — увидим.

Библиография

- Апполонов А. В. Наука о религии и ее постмодернистские критики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
- Апполонов А. В. Неожиданные приключения Хайдеггера в России // Логос. 2015. Т. 25. № 2. С. 224–232.
- Дугин А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический проект, 2013.
- Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011.
- Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2010.
- Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. Германский Логос. Человек апофатический. М.: Академический проект, 2015.
- Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.
- Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. СПб.: СПбГУ, 2011. Кн. 4: Мудрость слова.
- Лейбниц Г. В. Было время... // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 214–219.
- Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву, 19.10.1836 // Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. С. 307–310.

29. Там же. С. 310.

WHY LOOK FOR A DARK LOGOS IN A DARK ROOM (ESPECIALLY WHEN IT ISN'T THERE)?

ALEXEY APOLONOV. Associate Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, alexeyapp@yandex.ru.
Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovskiy ave., Bldg 4, 119991 Moscow, Russia.

Keywords: Alexander Dugin; Russian philosophy; archaeomodern; philosophy of modernity; Gottfried Wilhelm Leibniz; Neoplatonism.

The article provides a critical analysis of the Russian philosopher, sociologist and political scientist Alexander Dugin. According to Dugin, there are no universal (rational) principles on which philosophy may rely; however, every culture has its own rationality and its particular “Logos.” Therefore, the task of Russian philosophers is to create a special “Russian philosophy of chaos,” also termed a “dark Logos,” as an alternative to the Western Logos and its pretensions to universality. The uncritical acceptance of this Western Logos by Russian society has given it a distinctive attribute called “archaeomodern,” which is an incomplete and superficial modernization of Russian society even though it remains deeply archaic in its essence.

The article finds several critical flaws in Dugin’s project to (re)create a “Russian philosophy of chaos.” First, Dugin’s ideas about the essence of Western European modernity (and consequently about the constituent elements of the Russian archaeomodern) are drawn mainly from the writings of Western such critics of modernity as René Guénon and Martin Heidegger that are themselves an integral part of the Western Logos and that paint a distorted picture of Western modernity by starting from a polemical opposition to it. The author notes also that Dugin’s ideas about the radically archaic nature of the Russian nation, which he believes has not reached even the stage of Europe’s Middle Ages, are based primarily on the speculations of Western thinkers about “underdeveloped non-Western nations.” Thus, instead of the nuanced study of the extent and depth of modernization in Russian society and analysis of its elements promised by Dugin, he offers a series of caricatured images borrowed from Western philosophy and makes recommendations that are too superficial to be of much interest to Russian society or its government.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-4-31-45

References

- Appolonov A. V. *Nauka o religii i ee postmodernistskie kritiki* [The Study of Religion and Its Postmodernist Critics], Moscow, HSE, 2018.
- Appolonov A. V. Neozhidannye priklucheniia Khaideggera v Rossii [Unbelievable Adventures of Heidegger in Russia]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2015, vol. 25, no. 2, pp. 224–232.
- Dugin A. G. *Martin Khaidegger: filosofia drugogo Nachala* [Martin Heidegger: The Philosophy of Another Beginning], Moscow, Akademicheskii proekt, Gaudemus, 2010.
- Dugin A. G. *Martin Khaidegger: vozmozhnost' russkoi filosofii* [Martin Heidegger: The Possibility of Russian Philosophy], Moscow, Akademicheskii proekt, Gaudemus, 2011.

- Dugin A. G. *Noomakhiia. Voiny uma. Germanskii Logos. Chelovek apofaticheskii* [Noomachy. Wars of the Mind. The Germanic Logos. Apophatic Man], Moscow, Akademicheskii proekt, 2015.
- Dugin A. G. *Postfilosofia. Tri paradigmy v istorii mysli* [Post-Philosophy. Three Paradigms in the History of Thought], Moscow, Evraziiskoe dvizhenie, 2009.
- Dugin A. G. *V poiskakh temnogo Logosa (filosofsko-bogoslovskie ocherki)* [In Search of the Dark Logos (Philosophical and Theological Essays)], Moscow, Akademicheskii proekt, 2013.
- Kolesov V. V. *Drevniaia Rus': nasledie v slove: V 5 kn.* [Ancient Rus': Legacy in Word: In 5 vols], Saint Petersburg, SPbGU, 2011, vol. 4: *Mudrost' slova* [The Wisdom of Word].
- Leibniz G. W. *Bylo vremia...* [Tempus erat...] *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1982, vol. 1, pp. 214–219.
- Pushkin A. S. *Pis'mo P. Ia. Chaadaevu, 19.10.1836* [Letter to P. Y. Chaadaev, 19.10.1836]. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols], Moscow, Goslitizdat, 1962, vol. 6, pp. 307–310.